

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ СРЕДНЕГО УРАЛА

XVII — НАЧАЛА XVIII вв.

**(предварительные итоги исследования
памятников промышленной археологии)**

С начала XVIII в. Урал становится крупнейшим районом промышленного строительства и производства металла в России. Развитие внутреннего рынка, активная внешняя политика и торговля обусловили непрерывно расширяющийся спрос на железо и медь. Благодаря успешному развитию уральской металлургии Россия получила возможность отказаться от ввоза металла и обеспечить им все отрасли хозяйства страны. Исключительно быстрому росту числа металлургических заводов на Урале способствовали огромные топливные и сырьевые ресурсы в сочетании с возможностью использования труда зависимого крестьянского населения. Всего же здесь, если учитывать и небольшие крестьянские производства XVII в., было основано 219 металлургических предприятий [1, с. 572—576]. Впоследствии многие мелкие заводы прекратили свою деятельность, оставшиеся, как правило, более крупные образовали поселки и города. На Урале сложился крупнейший промышленный регион с богатым индустриальным наследием, своеобразными культурными традициями. В связи с этим закономерно внимание историков к изучению различных аспектов появления и развития горнозаводской промышленности. Между тем, если работе с письменными источниками уделяется значительное внимание, то археологическим исследованиям остатков металлургического производства — недостаточное.

В 60—70-е гг. сотрудник Нижнетагильского краеведческого музея А. И. Рассадович наряду с изучением памятников позднего средневековья проводила небольшие раскопки первых сыродутных заводов, появившихся в XVII в., — Ницинского, Железнянского, Пыскорского. Цель разведки археолога в окрестностях Нижнего Тагила, Невьянска и Верхотурья — установление местонахождения известных по документам, но не найденных — Тумашевского и Шульгинского заводов [2, с. 190]. Вместе с тем в работах исследователя имелся ряд серьезных недостатков. А. И. Рассадович практически не использовала архивные документы. Ее полевые изыскания часто не документировались, а в имеющихся отчетах отсутствовали необходимые чертежи, фотоиллюстрации, коллекционные описи. Последнее, несмотря на актуальность самой темы и важность полевых исследований, делает практически невозможным использование результатов работ данного историка.

В конце 60-х гг. остатки железоделательного производства XVI—XVII вв. были обнаружены В. А. Обориным при рас-

копках близ Старого Кунгура, а следы медеплавильного — в Верхотурье [3, с. 265, 269].

В 1989—1991 гг., разрабатывая тему зарождения металлургической промышленности на Урале, мы продолжили поиск и археологическое обследование первых заводов, построенных в XVII—начале XVIII в. Работы проводились в основном в Свердловской области, но в силу объективных причин недостаточно интенсивно. Тем не менее был обследован Невьянский завод и относящийся к нему рудник в районе с. Коневое. Уточнено местонахождение и современное состояние остатков Ницинского, Тумашевского, Железнянского (XVII в.), Уктусского, Каменского и Алапаевского (XVIII в.) заводов. Предпринята попытка определения местонахождения городка, основанного в районе устьев Синары и Течи в 1672 г. экспедицией за серебром под предводительством думного дьяка Хитрово [4]. В 1991 г. начаты раскопки Ницинского завода, проведены рекогносцировочные исследования остатков Лялинского медеплавильного завода, а также установлено местонахождение Шуваякинского железоделательного предприятия [5]. Данные работы — начало всестороннего изучения этих памятников.

Ниже приведены краткие описания заводов, точные географическое и топографическое местонахождения которых (за исключением Ницинского) ранее не уточнялись или не были известны.

Ницинский завод — первый, построенный за Уралом. Начал работать в 1631 г. как казенное железоделательное предприятие. Находился на левом берегу р. Ницы, на месте ныне существующего с. Рудное Ирбитского р-на. В 1741 г. историк Г. Ф. Миллер отметил здесь только незначительные остатки производства [6, с. 152]. Д. А. Кашинцев, побывав на этом месте в 1934 г., составил описание и примерную схему завода [7]. В 1971 г., используя ее, раскопки памятника проводила А. И. Рассадович. Сейчас остатки заводского производства находятся в самом центре села — в 30—50 м к юго-западу от клуба и 80 м — к северу от реки. Поверхность здесь в некоторых местах значительно повреждена при постройке клуба и крестьянской усадьбы. В 1991 г. автором статьи в западной части памятника был заложен раскоп, привязанный к раскопу А. И. Рассадович. Судя по схеме Д. А. Кашинцева, мы вскрыли участок шлаковых отвалов, что и подтвердилось находками. Культурный слой мощностью до 1 м был сильно насыщен остатками металлургического производства: шлаками, древесным углем, обломками криц, глиняных сопел. В этом же месте найдены единичные заводские изделия: прокованная железная крица полуовальной формы, не подвергшаяся коррозии (15×13×5 см), массой 4 кг, пищальное ядро диаметром 45 мм, массой 350 г, вероятно, литое, а также обломок сковороды для выпарки соли (60×40 см, высота стенок — 4 см, толщина сте-

нок и дна соответственно — 1,5 и 0,5 см). В то же время явных остатков каких-либо производственных сооружений не обнаружено. Находка части сковороды, а также существование соляных источников в 1 км к востоку от с. Рудное и около бывшей д. Черкасовой говорят о том, что, возможно, здесь занимались солеварением [5].

Тумашевский завод. Построен в 1669 г. по инициативе братьев Тумашевых в верховьях р. Нейвы, обнаруживших здесь железную руду. Тумашевы и их занятия постоянно привлекали внимание историков. Достаточно полное представление о предпринимателях дает статья А. А. Преображенского [8, с. 110—130]. Значительное место в ней уделено железоделательному заводу, основанному Тумашевыми. Однако до сих пор остается нерешенным вопрос о местонахождении предприятия.

По мнению географа Е. В. Ястребова, историки не смогли определить местонахождение Тумашевского завода. Сам исследователь помещает его на месте с. Быньги, ссылаясь на рукописную карту района 1722 г., где на ней завод будто бы назывался «Дунки». Между тем, в 1722 г. предприятие уже не действовало [9, с. 65]. Неубедительность аргументов, по-видимому, была учтена в последующем издании популярной книги Н. П. Архиповой и Е. В. Ястребова, в которой о конкретном местонахождении этого памятника нет и речи [10, с. 52]. А. И. Рассадович остатки металлургического производства, обнаруженные в верховьях Нейвы близ д. Тараски, бездоказательно связывала с тем же заводом [2, с. 190].

По всей вероятности, интересующий нас объект находится в окрестностях д. Федьковки Невьянского р-на. В пользу этого свидетельствуют литературные источники, устная традиция, изучение топографии данной местности и частично — материалы археологической разведки.

А. А. Преображенский приводит данные осмотра завода Семеном Астраханцевым, побывавшим здесь в 1670 г. Из этого описания известно, что Д. А. Тумашев с братом и работными людьми жили в 30 верстах от Краснопольской слободы, «...не дошед Павдинского камени за полднищи над Невьею рекою в бору» [8, с. 122]. Здесь был двор заводчика, во дворе — изба. Напротив избы стояла рубленая домница с тремя горнами. За домницей находилась кузница с двумя горнами и двумя наковальнями. Завод имел три рудника на расстоянии от полуверсты до полутора верст [8, с. 122]. В другом случае упоминается, что обнаруженная Д. А. Тумашевым руда в районе Краснопольской слободы на берегу р. Нейвы находится на «...пустом месте, от людей верст с 30 и больше» [8, с. 118]. П. Г. Любомиров отмечал, что казенный Невьянский завод располагался неподалеку от Тумашевского завода [11, с. 292].

Предполагаемое нами место не только не противоречит данным письменных источников, но и дополняет их. Остатки

Тумашевского завода находятся в 2 км к северу от д. Федьковки, 6 км — к югу от современного Невьянского завода, в пойме правого берега Невьянского пруда [4; 12, с. 43—45]. В этом месте в пруд впадает небольшая заболоченная речка, известная у местного населения под названием Тумашевка. Коренной берег Нейвы (высотой до 4 м) делает здесь небольшую изгиб. До начала XX в. в этом районе рос обширный сосновый бор, называемый Красным. Расстояние до Краснополя от этого места по прямой — 33 км, по реке — около 60 км. Уральские горы находятся в пределах видимости (20—25 км), но топонима «Павдинский камень» поблизости не известно. Среди старожилов д. Федьковки сохранились предания о существовании в месте слияния Тумашевки и Нейвы металлургического производства. В старые времена, в период низкой воды в реке, здесь находили железные крицы, разнообразный инструмент и прочие древности. Сейчас это место затоплено.

В 1,5—2 км к западу и северу от данного места разведкой обнаружены две округлые ямы диаметром 50 и 10 м, глубиной соответственно 8 и 4 м. Вероятно, это провалы от старых шахт. Судя по составу отвалов, в шахтах велась добыча бурого железняка. Примечательно, что выезды из ям и следы сохранившихся лесных дорог ведут не в сторону близлежащих Шуралинского и Невьянского заводов, а к интересующему нас объекту.

Железнянский завод. Основан в 1682 г. Возник как железоделательный промысел Далматовского монастыря. В 1700 г. неподалеку от него был заложен Каменский металлургический завод.

Железнянский завод находился под высоким обрывом, на низком вытянутом мысу правого берега р. Каменки, в 70 м выше места ее впадения в р. Исеть. Поверхность мыса (площадь — 260 м²) повреждена поздними деревянными строениями и бетонным основанием опоры ЛЭП.

В 1976 г. А. И. Рассадович проводила здесь раскопки. При этом были открыты остатки сыродутного производства XVII в.: прокалы, скопления шлаков, древесного угля, обожженной глины, обломки глиняных сопел, куски руды и обожженного кирпича. Массовый материал, среди которого много железа в виде кровельных листов, деталей механизмов, проволочных гвоздей, относится к более поздней деятельности. Двадцать две ямки от столбов, прокалы, горелое дерево и обломки кирпича А. И. Рассадович считала следами домницы, похожей на деревянный сарай с находившимися внутри него кирпичными печами и кузнечными горнами. Яма (5×5 м), расположенная в юго-западной части мыса, имевшая выход к пойме, по мнению автора раскопок, предназначалась для подвода воды к колесу, приводившему в движение меха [1, с. 190]. Реконструкции А. И. Рассадович достаточно спорны и требуют тщательной проверки.

Шувакишский завод. Был построен в 1704 г. на средства «москвитина» Лариона Игнатьева. В 1706 г. предприятие было изъято у владельца за долги и при оценке в 300 руб. передано «гостиной сотни торговому человеку» Степану Болотову. В этот момент на заводе «имелось 4 молота больших, 2 молота малых, 4 мехов ручных», но в 1710 г. завод сгорел [13, с. 287].

Остатки заводского производства обнаружены в 1986 г. В. А. Борзуновым в окрестностях Екатеринбурга, в 0,5—1 км к северу от заболоченного оз. Шувакиш, на правом берегу вытекающего из него ручья Шувакишский Исток. Позднее это место нами было обследовано. Участок местности (120×30 м) ныне сильно изрыт ямами, оставшимися от постройки завода. Здесь же установлена одна из опор ЛЭП. Судя по найденному шлаку, обломкам криц и глиняных сопел, производство металла было сыродутным. В то же время прилегающий участок ручья очень удобен для постройки плотины (высота берегов — 4—5 м, расстояние между ними — до 30 м). Вероятно, в XVIII в. она здесь была, тем более, что сейчас в этом месте есть невысокая дамба, по которой проходит дорога [5].

Лялинский завод. Был основан вблизи с. Караул Лялинского р-на, при впадении р. Каменки в р. Лялю. На предприятии выплавляли медь и готовили медный купорос. Руда поблизости вскоре истощилась. На заводе началось производство стекла и поташа. В 1728—1729 гг. крестьянин Влас Коптяков «указал» местонахождение медной руды на Конжаковском Камне, откуда на предприятие вновь стало поступать сырье для производства меди. Тем не менее, из-за большой удаленности рудника от завода разработка конжаковской руды продолжалась недолго. В 1744 г. производство было закрыто [14, с. 637].

Для археолога завод интересен прежде всего тем, что он существовал недолго и после закрытия работы на нем не возобновлялись. Этого нельзя сказать о большинстве металлургических предприятий Урала, построенных в XVIII в.

Проводя обследование памятника в 1991 г., мы предполагали обнаружить непотревоженные остатки медеплавильного производства и наши ожидания оправдались. В 120 м выше слияния рек, на правом берегу Каменки, сохранились остатки насыпной плотины длиной до 80 м, высотой 4—5 м. Вероятно, она была сооружена при постройке завода, но впоследствии подсыпалась и использовалась для мельницы и устройства колхозного пруда. От плотины до устья Каменки, вдоль правого берега реки, на протяжении 80—100 м идет полоса медного шлака. Слой черного цвета толщиной от 10 до 50 см, шириной до 40 м. Здесь же на поверхности прослеживалось несколько небольших холмиков. Один из них был вскрыт. Под дерном сохранились остатки угла фундамента заводской печи, сложенного из обломков дикого камня в один слой. Максимальная

длина камней — 20—30 см. В отдельных местах сохранились участки кирпичной кладки в четыре ряда шириной 80 см. Размеры кирпича — 28×16×7 см. В золистом культурном слое найдены остатки горелого дерева, железные и медные слитки, оплавленная руда, большие куски шлака полуовальной формы.

В 5 км к западу от завода, в обрыве левого берега р. Ляли, обнаружена старая шахта. В ней найдены обломки руды, содержащей пирит, внешне схожие с найденными в культурном слое Лялинского завода. По-видимому, в шахте добывали медную руду и перевозили по реке на данный завод [5].

Все перечисленные предприятия, возникшие в XVII — начале XVIII вв., — первенцы уральской металлургии. Естественно, их ранняя деятельность плохо отражена в архивных материалах по сравнению с заводами позднейших периодов. Вещественные остатки, полученные в ходе раскопок, дополняют письменные источники. У российских археологов практически нет опыта исследования памятников промышленности XVII — XIX вв. Нет и соответствующей отечественной литературы по этой проблеме, поэтому мы обращаемся к опыту зарубежных коллег.

Во всех промышленно развитых странах мира, в том числе Великобритании, Германии, Франции, США, существует направление исследований, всесторонне рассматривающее промышленное производство от момента его зарождения до современности. Оно известно как «индустриальная», или «промышленная археология». В это понятие ученые вкладывают гораздо более широкий смысл, чем наши исследователи. При этом раскопки — не решающие источники информации. Стоит также отметить, что одним из основных итогов работы является тщательное восстановление и музеефикация остатков промышленных предприятий, доведение до рабочего состояния отдельных механизмов, железных дорог, мостов, шахт и подъездов к ним и многого другого. Не рассматривая далее (из-за ограниченного объема статьи и имеющейся в нашем распоряжении литературы) промышленную археологию в глобальном масштабе, попытаемся все же дать некоторое представление о развитии ее в Великобритании.

Возникновение направления «промышленной археологии» принято относить к началу 40-х гг., когда археолог из Англии О. С. Гроуфорд впервые обратил внимание на остатки промышленного производства последних столетий человеческой истории [15, с. 9]. Само понятие «промышленная археология» предложено не так давно Майклом Риксом, хотя сходный термин «археология индустрии» употреблялся еще в XIX в. [16, с. 275]. Позднее он определил промышленную археологию как регистрацию (в отдельных случаях сохранение и объяснение) местонахождений и построек ранней промышленной деятельности, в частности памятников промышленной революции. И это понятно. На первых порах развития промышленной археологии

учитывалась лишь сохранность имеющихся памятников; позднее появилось стремление узнать исторические подробности о них.

Существуют различные точки зрения на предметную область исследования и хронологические рамки промышленной археологии. Д-р Марлин Палмер приводит некоторые из них. Размежевание проводится по принципу: является промышленная археология тематической или хронологической («периодической») дисциплиной. Если она тематическая, то все археологи, изучающие периоды от «доисторического» до позднейших исторических и включающие в свои исследования индустрию, являются так называемыми промышленными археологами. Автор приводит мнение Кеннета Хадсона, которого не устраивали тесные хронологические рамки периода промышленной революции и который определил промышленную археологию как организованное и упорядоченное изучение физических остатков «вчерашней» промышленности.

Артур Растрайк, развивая мысль К. Хадсона, утверждал, что промышленная археология начинается с появления организованной индустрии, т. е. индустрии с особой техникой и большими масштабами, чем ремесло. А. Растрайк пытается максимально расширить область применения промышленной археологии, считая, что данная дисциплина должна изучать человека и что промышленность — тот способ, с помощью которого человек достигает своего материального благосостояния, изменяя или создавая окружающую среду. Вместе с тем акцент переносится с фиксации и сохранения промышленного памятника на более приемлемый подход — использование данных археологии для лучшего понимания прошлого человечества. Между тем, как мы видим, толкование А. Растрайка столь широко, что промышленная археология охватывает почти всю область исторического исследования. Позднее Н. Кассон сделал упор на промышленную археологию как часть изучения ландшафта, а при определении ее хронологических рамок вернулся к периоду промышленной революции как наиболее существенному [16, с. 276].

А. Бучанан, допуская, что термин «промышленный памятник» мог относиться к любой устаревшей промышленности или транспортной системе, предложил на практике ограничить исследование памятниками последних двух столетий, а более ранние периоды рассматривать традиционными методами археологии и истории [17, с. 20—21].

При определении верхних хронологических границ промышленной археологии исследователи исходят из того, что они могут приближаться к современности настолько, насколько это возможно. Иными словами — до того момента, когда производственные процессы, структуры, предприятия, здания и отдельные изделия выходят из употребления и прекращают свое суще-

ствование. Это могут быть городские угольные ТЭЦ, первый генератор ядерного реактора, недавно снятый с производства вертолет и т. д. При этом сами производственные процессы и операции записываются на видеопленку для облегчения работы будущих исследователей.

Подводя итог, М. Палмер считает, что промышленная археология — это исследование особого периода, изучающее материальные свидетельства социального, экономического и технологического развития с момента возникновения промышленности. Как отрасль научного знания она использует традиционные методы и понятия археологии: стратиграфию, типологию, коллекции находок и т. д. При этом они могут быть приложены к более широкому кругу данных, чем те, которые получены только в процессе раскопок [16, с. 281—282].

Объектами исследования могут являться практически все отрасли и предприятия, возникшие в период развития промышленности. В том числе такие классические для Англии отрасли, как металлургическая, угольная, машиностроительная, текстильная, мукомольная, химическая промышленность, энергетика, транспорт и сельское хозяйство, рассмотренные А. Бучананом [17], а также отрасли и предприятия, на которые раньше мало обращали внимания — водоснабжение, канализация, объекты бытовых услуг, развлекательные центры, кинотеатры и киностудии, помещения для рабочих, тюрьмы, места поклонений и многое другое. Здесь границы «промышленной археологии» и «социальной археологии» неизбежно становятся расплывчатыми [18, с. 126].

Среди людей, занимающихся промышленной археологией, есть и профессионалы, и любители — археологи и историки, музейные работники и архивисты, инженеры и рабочие, специалисты какой-либо отрасли, хорошо представляющие историю производства.

Методы ведения археологических раскопок традиционны, но «промышленному археологу» доступно гораздо большее количество письменных свидетельств в дополнение к физическим остаткам, чем обычному археологу. Исследователь, занимающийся изучением промышленности, должен соотнести свои полевые исследования с документами, которые совпадают по времени и имеют отношение к его работе в поле. Обширный рост количества изданных и рукописных документов, особенно связанных с промышленностью и торговлей, — фундаментальное различие между археологией ранних периодов и археологией промышленной революции [15, с. 21]. В то же время, поскольку промышленная археология — междисциплинарный предмет, каждый вид деятельности имеет свою методику (например, архитектурная реставрация промышленного здания). Сохранение ныне существующих объектов осуществляется несколькими способами: использованием их по прямому назначению (ка-

налы), в качестве музейных экспонатов (мельницы), использованием зданий для других целей и созданием музеев под открытым небом.

Между научными школами различных стран существуют расхождения в теоретических подходах и организации исследований по предмету промышленной археологии. В Германии преобладает интерес к изучению документов, Швеции — к социальной стороне проблемы, Англии и США — изучению материальных остатков. Широко обсуждаются два способа организации промышленной археологии. Первый — профессиональный (централизованный, бюрократический) путь, получивший развитие во Франции, США, России. Второй — любительский, характерный для Бельгии, Италии, Нидерландов [18, с. 130].

Одна из организаций Великобритании, проводившая национальную политику сохранения индустриального наследия, — Королевская комиссия по историческим памятникам Англии. Основные ее задачи — регистрация и оценка археологических памятников и исторических построек, создание английского археологического и архитектурного наследия, идентификация археологических памятников с объектами, известными по архивным материалам, подготовка археологической информации для издания различных карт, работа по сохранению построек, формирование фондов, привлечение данных аэрофотосъемки для поиска промышленных объектов и составления карт памятников, создание и использование сети компьютерного обслуживания, в том числе для свободного доступа исследователей к информации, находящейся в Национальном своде памятников.

В настоящее время комиссия состоит из двух основных комитетов — архитектурного и археологического. В свою очередь, архитектурный комитет подразделяется на отделы: архитектурных исследований, регистрации построек, находящихся под угрозой разрушения, архитектурных данных, фотографии и графики. Археологический комитет состоит из отделов: археологических исследований, аэрофотосъемки, археологических коллекций и архива. Через секретаря осуществляется координация с другими службами: издательской, компьютерной, архивных исследований. Организация финансируется из государственной казны. К примеру, в 1988 г. расходы комиссии составили 3 626 000 фунтов стерлингов, из них на археологию было выделено только 18 % всех средств [19].

Во всех промышленно развитых странах, особенно в Великобритании, достаточно активна издательская деятельность, связанная с пропагандой промышленной археологии. Здесь регулярно выходят книги, существует возможность публикации статей в изданиях археологических обществ и технических журналах (например, в «Технологии и культуре» и др.). Издается периодический журнал «Обозрение промышленной археологии». Выходит много путеводителей, как по отдельным объектам [20],

так и по промышленным районам [21]. Постоянно проводятся международные конференции по сохранению индустриального наследия (TICCIH), на одной из которых в 1987 г. собрались ученые из 23 стран мира [22], а в последние годы к ним присоединились исследователи из России.

В целом изучение иностранной литературы дает возможность более широко взглянуть на собственную деятельность и оценить возможности развития промышленной археологии в Уральском регионе. Попутно следует отметить, что на Западе термин «промышленная археология» сейчас все больше вытесняется понятием «индустриальное наследие» [23].

Исследование исчезнувших и слабо освещенных в письменных источниках металлургических заводов Урала XVII — начала XVIII вв. будет успешно лишь при активном использовании данных археологических работ. В то же время при изучении поздних промышленных памятников роль раскопок будет скорее всего вспомогательной. Традиционные методы полевой археологии наиболее значимы, на наш взгляд, в ходе реставрации объектов промышленной археологии, выполнении квалифицированных земляных работ или разрешении спорных научных вопросов.

В качестве ближайших задач следует обозначить планомерное и систематическое обследование района Среднего Урала в целях выявления всех крупных объектов, связанных с историей горнозаводской промышленности, постановку их на государственный учет и составление свода архитектурных и археологических памятников XVII — XIX вв. Урала. Таких памятников будет выявлено много. Достаточно вспомнить, что только в Екатеринбурге в начале XX в. работало более четырех десятков предприятий и заводов: четыре механических и чугунолитейных, четыре кирпичных, два — по изготовлению глиняной посуды, два пивоваренных, по одному — лесопильному, мыловаренному, свечному, по изготовлению икон, изразцов, белья и пуха, три бумажные фабрики, фабрики обоев и льнопрядильная, а также две мельницы, спичечно-акционерное общество и пятнадцать типографий [24]. Для выяснения, где находились эти предприятия и сохранилось что-либо о них, специальных исследований пока не проводилось.

Вместе с тем археологические раскопки и иные изыскания мы должны рассматривать как составную часть комплексного исследования индустриального наследия Урала. Зарубежный опыт подсказывает, что полноценное изучение промышленных памятников возможно только при тесном сотрудничестве специалистов различных областей науки. В этой связи вузы Екатеринбурга (Уральский университет, архитектурный, горный, политехнический институты), научно-исследовательские институты (геологии, горного дела, металлургии черных и цветных металлов), объединение «Уралгеодезия», заводы и заводские

музеи, Нижнетагильский музей-заповедник горнозаводского дела, музей архитектуры Урала, преодолев ведомственный подход, должны объединить свои усилия в разработке направления «промышленная археология». Объединяющим центром мог бы стать Институт истории и археологии УрО РАН, у которого имеется большой опыт подобной работы. Кроме того, практически в каждом институте есть наработки по изучению промышленности Урала. К примеру, в архитектурном институте существовала комплексная программа «Каменный Пояс», в которую были включены археологические исследования, разработка системы мероприятий по охране и использованию памятников промышленной архитектуры, искусства и техники, а также изучение исторической территориально-пространственной модели развития горнозаводской техники Урала и т. д. [25]. Написаны труды по уральским гидротехническим сооружениям [26], архитектуре металлургических заводов [27, 28], особенностям планировки и строительства городов Урала [29], принципам сохранения и использования историко-архитектурных памятников [30]. Проблемы, поставленные в них, аналогичны задачам, решаемым «промышленными археологами» на Западе.

Свою роль «промышленного археолога» автор статьи в ближайшем будущем видит в изучении раннего периода истории уральской металлургии и использовании опыта зарубежных исследователей в своей деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Урала с древнейших времён до 1861 года. М., 1989.
2. Рассадович А. И. К вопросу об истоках горной промышленности // Уральский археографический сборник за 1971 г. Свердловск, 1974.
3. Оборин В. А. Некоторые вопросы археологического изучения уральских заводов XVI—XVII вв. // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
4. Курлаев Е. А. Отчет об археологической разведке в бассейнах рек Нейвы и Ницы в Невьянском, Алапаевском, Ирбитском районах в 1990 г. // АКА УрГУ. 1991. Ф. 2. Д. 616.
5. Курлаев Е. А. Отчет об археологических раскопках Ницинского завода и пос. Саранпауль-3 в 1991 г. // АКА УрГУ. 1992. Ф. 2. Д. 604.
6. Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.
7. Кашинцев Д. А. История металлургии Урала. М., 1939. Т. I.
8. Преображенский А. А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. // Московское государство в XVII в. М., 1961.
9. Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы. Челябинск, 1982.
10. Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы. Изд. 3-е, перераб. Свердловск, 1990.
11. Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX вв. М., 1961.

12. Курлаев Е. А. К вопросу о местонахождении Тумашевского завода // Археография и источниковедение истории России периода феодализма. Свердловск, 1991.
13. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.
14. Кривошеков И. Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910.
15. Pannell J. P. H. The Techniques of Industrial Archaeology. Newton Abbot. 1974.
16. Palmer M. Industrial Archaeology: a Thematic or a Period Discipline? // Antiquity. 1990. V. 4, N 243.
17. Buchanan R. A. Industrial Archaeology in Britain. Harmondsworth, 1972.
18. Minchington W. World Industrial Archaeology: a Survey // World Archaeology. 1983. V. 15, N 2.
19. Royal Commission on the Historical Monuments of England 1987—1988 // Annual Review. 1988.
20. London's Industrial Archaeology: a guide. L., 1982.
21. Minchington W. Devon's Industrial Past: a guide. Darlington, 1986.
22. List of Participants TICCIN. Austria, 1987.
23. Teknik und Kultur. Stockholm, 1990, N 2—3.
24. Едноранский Л. К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. М., 1910.
25. Программа «Каменный Пояс». Свердловск, 1978.
26. Барабанов А. А. Развитие архитектуры гидротехнических сооружений на Урале: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
27. Владимирский Ю. А. Развитие архитектуры интерьеров кузнечных цехов на уральских заводах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
28. Холодова Л. П. Архитектура металлургических заводов Урала второй половины XIX — начала XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
29. Ляпцев Н. Н. Объемно-пространственная композиция исторически сложившихся малых городов Урала: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
30. Занкин Г. С. Архитектурно-градостроительные принципы комплексного сохранения и использования историко-архитектурных памятников в условиях Уральского региона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

А. Г. НЕСТЕРОВ

ДОРУССКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (к постановке вопроса)

По данным русских письменных источников, на территории Урала и Западной Сибири к моменту прихода русских существовал ряд племенных или раннегосударственных образований народов коми, ханты и манси — Пермь Великая, Пелымское, Кодское и другие «княжества». Зауральские «княжества» находились в зависимости от Золотой Орды, позднее — от Сибирского ханства.